

АРМЯНСКИЕ РЕЛЬЕФНЫЕ КРЕСТЫ
ЛЬВОВА И КАМЕНЦА-ПОДОЛЬСКОГО XIV—XVII вв.

Кандидат историч. наук Я. Р. ДАШКЕВИЧ (Львов)

Крест как религиозный и, пожалуй, этический символ занимал видное место в духовной культуре армян средневековья—как закавказской метрополии, так и колоний. Следы особого почитания креста заметны также в среде армян Украины. Наряду со строительством церквей, посвященных святому Кресту (например во Львове, в Краковском предместье, построенная, возможно, в XIV в. сначала из дерева, а в 1629 г. из камня—после неоднократных перестроек сохранившаяся до нашего времени¹; в Каменце-Подольском, где церковь была уничтожена татарами в 1621 г.²), символика креста получила широкое распространение в повседневном быту. По свидетельству миссионера-театинца, известного французского востоковеда Луи-Мари Пиду де Сент-Олона (1637—1717), датируемому 1669 годом, среди армян Украины соблюдался обычай, согласно которому новорожденному надевали на шею восковой крестик; существовало убеждение, что для увеличения святости креста (не только того, который надевали новорожденному) его нужно смазывать миром³. Крест часто был составной частью геральдических знаков армян Украины в XVI—XVIII вв. Праздник св. Креста отмечался очень торжественно—во Львове, например, армянское духовенство облачалось в этот день в особые, предназначенные только для данного праздника литургические одежды, златотканые, белого и желтого цветов⁴.

Место, которое занял богато орнаментированный крест в истории армянского искусства, общеизвестно. В Армении хачкары—крестные камни—начиная с X в. стали наиболее распространенным видом мемо-

¹ D. Kajetanowicz, Katedra ormiańska i jej otoczenie. Przewodnik, wyd. 2, Lwów, 1930, стр. 57—59. Упоминания в источниках: «Միմեն դպրը Լեհացոյ Ուղեգրութիւն, տարեգրութիւն և յիշատակարանք», Վիեննա, 1936, стр. 337; рус. перевод: Симеон Лехацци, Путевые заметки, М., 1965, стр. 243; S. C. Kuszewicz, Oblężenia drugiego miasta Lwowa od woysk kozackich y moskiewskich w roku 1655 fragmenta, в: Жерела до історії України-Русі, т. 6, Львів, 1913, стр. 142; T. Józefowicz, Kronika miasta Lwowa..., Lwów, 1854, стр. 142; А. М. Pidou, Krotka wiadomość o obecnym stanie, początkach i postępie misji apostolskiej do Ormian..., Zródła dziejowe, t. 2, Warszawa, 1876, стр. 18; арм. перевод: «Բնի միութիւն հայոց Լեհաստանի մէջ Եկեղեցոյն հոգմայ. սասանականից յիշատակարանք», ՍՊԲ, 1888, стр. 14.

² Е. Сецинский, Город Каменец-Подольский, Киев, 1895, стр. 183. Упоминание в источнике: E. Schütz, An Armeno-Kirchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars in 1620—1621, Budapest, 1968, стр. 54—55.

³ А. М. Pidou, указ. соч., стр. 10—11.

⁴ Միմեն, указ. соч., стр. 340.

риального памятника, располагаемого в различных местах—на стенах ущелий, на отдельных скалах, на подступах к селениям, монастырям, на стенах сакральных зданий. На Украине рельефный крест не достиг столь выраженного уровня монументальности; тем не менее и в отдаленных от родины армянских переселенческих очагах крест становится очень распространенным сюжетом камнерезного искусства. И хотя из художественного наследия армян Украины до нашего времени дошли, собственно говоря, жалкие остатки, имеются все основания считать, что рельефные кресты занимали видное место в декоративно-прикладном искусстве колоний XIV—XVII вв.

В основу настоящего сообщения положено изучение более сотни памятников подобного типа⁵ во Львове и в Каменце-Подольском. Сохранившиеся благодаря счастливой случайности изображения крестов, немногочисленные упоминания в письменных источниках, уникальные фотографии погибших памятников позволяют сделать вывод о том, что многие армянские храмы, построенные на Украине до начала XVII в. (т. е. до момента распространения унии с Римом в 30—60-х гг. XVII в.), имели на стенах, как внутренних, так и внешних, а также на колоннах, изображения более или менее богато орнаментированных (или же совершенно неорнаментированных) крестов, не входившие в состав первоначального декора сакральных зданий. Все эти изображения являлись ктиторскими и вотивными, т. е. их изготовляли по заказу отдельных лиц в память какого-либо события, в честь определенных живущих лиц или же, что более всего вероятно, в память усопших. Рельефные кресты на стенах появлялись, наверное, одновременно с принесением пожертвования храму; их высекали, конечно, только с разрешения руководителей церковной общины и священника. Вотивный характер изображений доказывается хотя бы тем, что около них часто вбивали в стены деревянные колышки для прикрепления горячей свечи или лампы в память лица, в честь которого был изготовлен крест. Так как во многих случаях кресты располагались на стенах группами, занимающими один или несколько близлежащих рядов, можно предполагать, что подобные комплексы были посвящены представителям одной семьи.

Более зажиточные горожане заказывали изображения богато орнаментированных крестов, часто сопровождаемых ктиторской надписью, иногда также датой, выполненные на алебастровых или мраморных плитах, которые в дальнейшем прикрепляли к стене или вкладывали в нишу на ней. Судя по упоминаниям в архивных источниках, можно считать, что заказывались изображения крестов также на пластинах из ценного металла (серебра)—в описи имущества умершего львовского армянина Андрея Лазаровича от 15 октября 1652 г. упоминаются три серебряные вотивные пластины⁶.

⁵ Объектом изучения были все вотивные (посвятительные) изображения крестов, независимо от того, орнаментированы они или нет.

⁶ Центр. гос. исторический архив УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 529, стр. 823.

К моменту принятия унии, т. е. к середине XVII в., многие древние каменные армянские церкви Украины (в Киеве, Львове, Луцке, Каменце-Подольском и в других городах) были покрыты изображениями крестов как внутри, так и снаружи. В этом убеждает уникальное фото фрагментов двух колонн разобранных в конце XVIII в. древнейшей армянской церкви Львова—храма св. Анны. Эти два фрагмента колонн существовали еще в 1920 г. (когда было сделано фото) и находились на территории армянского детского приюта по ул. Замарстиновской. Шестиугольные колонны испещрены изображениями крестов различных типов—на пяти поверхностях можно определить (фотография не очень доброкачественная) по крайней мере семь рельефных крестов⁷. О том, что значительное количество крестов (гораздо больше, чем дошло до нашего времени) было высечено на наружных стенах храмов, свидетельствуют данные, связанные с львовским армянским архикафедральным собором. Его внешние стены в XVIII—XIX вв. в различных местах ремонтировались обломками облицовочных плит с высеченными крестами⁸; к сожалению, при последующей реставрации собора в XX в. эти крестные камни не были сохранены. Можно считать, что использовавшиеся при ремонтах камни были раньше внешней окладиной собора.

Подобная локализация высеченных крестов отмечается, кстати, также в армянских церквях Крыма⁹.

Принятие унии, принесшее с собой латинизацию обрядов, привело к отмиранию древнего обычая. Кресты, распространенные в армянской среде до середины XVII в., преимущественно равнобедренные или с незначительным удлинением нижней стороны, не соответствовали латинской иконографической традиции, да и votivные пожертвования в римско-католических костелах носили совсем другой характер. Это и явилось причиной пресечения обычая изготовления рельефных крестов в то время, когда армянские церкви очутились во власти фанатически настроенного духовенства. Имеются косвенные доказательства того, что именно так и случилось. Во львовском соборе, например, на колоннах, гораздо выше старых армянских крестов, были высечены два латинских креста—с длинной нижней стороной, что, по-видимому, должно было символизировать победу «истинной» католической веры над «еретической» григорианской.

Приблизительное время, когда прекратилось вырезывание крестов в соборе, определяется еще таким образом. Все кресты находятся только в древнейшей части здания—их нет во «второй очереди» храма, по-

⁷ Негатив фото хранится в коллекции негативов Гос. музея украинского искусства во Львове (инв. № 43).

⁸ G. Mańkowski, *Sztuka Ormian lwowskich*, Kraków, 1934, стр. 12.

⁹ Там же, стр. 44, фото № 32 (Солтановка в Крыму); О. Домбровский, В. Сидоренко, Солхат и Сурб-Хач, Симферополь, 1978, стр. 72, 77, 112, 114 (монастырь Сурб-Хач и церковь св. Георгия в его окрестностях). Ср. также: А. Гаврилова, Хачкары из фондов феодосийского краеведческого музея, Ереван, 1978 (доклад на II Международном симпозиуме по армянскому искусству).

строенной в начале XVII в. (во всяком случае ранее 1630 г., когда собор был захвачен униатами; документально наличие «второй очереди» собора засвидетельствовано в 1646 г.¹⁰). Нет крестов также на белокаменных наличниках дверей и окон пристройки 1670—1671 гг.¹¹, примыкающей к северной части собора. Окончательный поворот архиепископа и собора к униатству состоялся во Львове в 1664 г. Можно считать, что примерно в середине XVII в. высечение крестов на стенах и колоннах храма прекратилось. Во второй половине XVII в., а также в 1723 и 1755 гг., во время окончательной переделки интерьера в стиле барокко, вызванной отчасти пожарами 1712 и 1743 гг., белокаменные колонны и стены храма были по крайней мере трижды заново оштукатурены и покрыты барочной росписью. Слои штукатурки и полихромии закрыли кресты, как высеченные, так и вставные, еще раз в 1862 г.¹² Мощный слой скрыл кресты почти на полтора столетия. Доступными для обозрения остались только кресты, высеченные на внешних стенах собора — в основном около дверей.

В 1908 г. в соборе начались реставрационные работы. Они велись, особенно на начальных этапах, неквалифицированно, с нарушением элементарных правил научной реставрации¹³. В первые годы реставрации, когда внешний вид собора был фальсифицирован псевдоармянским орнаментом, были уничтожены (как указывалось выше) изображения крестов на наружных поверхностях. Вокруг вопросов реставрации собора велась длительная, иногда очень резкая полемика, и это, к счастью, привело к частичному сохранению новооткрытого древнего интерьера (в значительной мере, однако, изуродованного позже росписью и мозаикой в стиле сецессион начала XX в.). В 1925 г. Окружная комиссия по охране памятников во Львове приняла решение о сохранении вотивных крестов и полной их расчистке после проведения научного обследования покрывающих их слоев побелки и полихромии¹⁴. В ходе расчистки древнейшей части собора перед взорами удивленных зрителей предстали древние рельефные кресты.

В настоящее время в львовском соборе разместились хранилище фонда икон и деревянной скульптуры Государственного музея украинского искусства. Здание заполнено экспонатами до отказа, что очень мешает обследованию камней с крестами. Можно считать, что примерно 20 из них недоступны для осмотра — они расположены на тех участках

¹⁰ T. Mańkowski, указ. соч., стр. 14.

¹¹ Украинско-армянские связи в XVII веке. Сборник документов, сост. Я. Р. Дашкевич, Киев, 1969, стр. 117—118.

¹² Принимаем хронологию работы: J. Piotrowski, Katedra ormianska we Lwowie w świetle restauracji i ostatnich odkryć, Lwów, 1925, стр. 28—29.

¹³ О спорах, разгоревшихся вокруг реставрации собора, свидетельствует документация Императорско-королевской центральной комиссии по изучению и охране памятников искусства и истории в Вене за 1906—1915 гг., хранящаяся в Львовской библиотеке АН УССР, отд. рукописей, ф. Управления по охране памятников во Львове, д. 15.

¹⁴ Там же, д. 8, протокол от 28 июня 1925 г.

стен и колонн, которые закрыты деревянными стеллажами, шкафами и т. п. В этом убеждает фото пятой колонны собора¹⁵, опубликованное в цитированной ранее книге Т. Маньковского (стр. 43). На фото изображены южная сторона колонны (на фото слева) с крестами № 82—87 и восточная (на фото справа) с изображениями десяти крестов, в настоящее время закрытыми стенкой стеллажа. Из этих последних десяти крестов нами учтены только два (№ 88—89), частично доступные для осмотра. Возможно, что кресты все еще имеются под участками стен, покрытыми штукатуркой. Из-за подобных препятствий не удалось также обследовать кресты, открытые ранее около застроенных западных окон боковых нефов древнейшей части храма, которые известны по литературе¹⁶.

К сожалению, гораздо меньше можно сказать о крестах, высеченных в других церквах Украины. Об уничтоженной церкви св. Анны во Львове, интерьер которой, по-видимому, был испещрен рельефными крестами, упоминалось выше.

О каменецких крестных камнях имеется два упоминания в литературе; сохранилась, однако, только одна такая плита. Армянский историк Степаннос Рошка Каменаца (1670—1739) в своей «Хронографии», написанной в 1736—1739 гг., упоминает камень с крестом, встроенный в стену около двери армянской церкви св. Николая. Ему казалось, что на камне читаются даты 1200 год от рождества Христова и 760 год армянской эры (которые, однако, не соответствуют друг другу)¹⁷. О другом крестном камне с надписью упоминает польский историк Александр Прусевич (1878—1941) в 1915 г.—камень был вмонтирован в наружную стену армянской церкви Благовещения св. Богородицы (позже украинская православная церковь св. Николая)¹⁸. Этот последний камень сохранился. В 30-х гг. он был заштукатурен, а расчищен (к сожалению, очень небрежно) для обозрения только после ремонта 1971—1972 гг. На нем кое-кто читал дату 1544 г., однако она не соответствует действительности; так или иначе, ее никак нельзя интерпретировать как дату проведения ремонта церкви Благовещения¹⁹, хотя бы потому, что в середине XVI в. церковь еще не существовала²⁰. Никаких

¹⁵ О нумерации колонн и крестов собора см. ниже. Нумерация крестов, принятая в настоящей статье, соответствует документации, хранящейся в Львовском историко-архитектурном заповеднике.

¹⁶ J. Piotrowski, указ. соч., стр. 24, 26.

¹⁷ В. Грозин, *Փամանակադրութիւն կամ Տարեկանը Եկեղեցականը, Վեներա*, 1964, стр. 196.

¹⁸ A. Prusiewicz, *Kamieniec Podolski. Szkic historyczny*, Kijow—Warszawa, 1915, стр. 83.

¹⁹ А. Тюпич, Г. Хотюн, *Армянские сооружения Каменца-Подольского*, Ереван, 1978, стр. 8 (доклад на II Международном симпозиуме по армянскому искусству).

²⁰ Церковь была построена в 1597 г. (см. *Մ. Բժշկանց, Ճանապարհորդութիւնը և Կատարան... Վեներա*, 1830, стр. 152), к тому же нет каких-либо следов того, что на Украине с крестными камнями было сопряжено составление строительных надписей.

других следов существования рельефных крестов в Каменце и его окрестностях найти не удалось. Возможно, тем не менее, что изображения крестов будут обнаружены под штукатуркой церкви Благовещения или же во время археологических раскопок. Нельзя согласиться с тем, что сообщение о каменных крестах, найденных в конце XIX в. на древнем кладбище около села Армяне (сейчас Залесье) неподалеку от Каменца-Подольского²¹, можно рассматривать как свидетельство находок армянских монументальных хачкаров (не говоря уже о том, что на армянских надгробиях Украины изображение креста, как правило, отсутствует до XVIII в. включительно).

Львовские крестные камни имеют небольшую литературу. Это только замечания, сделанные вскользь несколькими польскими искусствоведами, занимавшимися изучением архитектуры львовского армянского кафедрального собора. Наличие резных крестов на колоннах, очищенных от штукатурки и росписей, впервые отметил Владислав Жила²² (1877—1925). Юзеф Пиотровский, хранитель древностей, на попечении которого находился собор, пытался дать более развернутое описание крестов, дать их стиливую интерпретацию, определить время создания. Он правильно отметил уникальность памятников, однако их определение как «раннероманских», «готических» неприемлемо. Чтобы избежать сравнений с памятниками окружающего староукраинского искусства. Ю. Пиотровский подыскивал параллели в Греции, Болгарии, Италии, Польше и даже Алжире²³, что не могло не вызвать возражений современной ему критики²⁴. Заслуживает, однако, внимания предложенная им хронология—он считал, что древнейшие из крестов на трех плитах (плетенчатые кресты) созданы в XIV—XV вв., несколько более поздними являются кресты со стрельчатыми завершениями концов (так наз. ослиная спина) и с перекрещенными концами (он считал последний тип креста византийско-украинским). Известный польский искусствовед Тадеуш Маньковский (1878—1956) с его идеей мусульманского влияния на армянское искусство остановился, по существу, только на двух крестах (№ V, VI), орнаментированных полупальметкой, в которой он увидел «влияние искусства ислама, персидского в частности»²⁵. В своем стремлении любой ценой найти побольше аналогий в искусстве ислама Т. Маньковский объявил, что персидских полупальметок «на стенах львовского кафедрального собора множество»²⁶. В действительности

²¹ Е. Сецпский, Исторические сведения о приходах и церквях Подольской епархии, I. Каменецкий уезд, Каменец-Подольский, 1895, стр. 194. Кресты не имели надписей, нет также данных, свидетельствующих о том, что кладбище было армянским.

²² W. Żyła, Katedra ormiańska we Lwowie, Kraków, 1919, стр. 16—17.

²³ J. Piórowski, указ. соч., стр. 11—12, 24—28.

²⁴ М. Голубець, [рец. на:] J. Piórowski, Katedra ormiańska..., „Записки Чина св. Василя Великого“, т. I, вып. 4, Жовква, 1927, стр. 637—645.

²⁵ Т. Mankowski, указ. соч., стр. 58—60; его же, Dawny Lwów, jego sztuka i kultura artystyczna, Londyn, 1974, стр. 51.

²⁶ Т. Mankowski, Sztuka, стр. 59.

из 104 крестов полупальметками декорировано только 7 (кресты № 10, 54, 55, III—VI), что, конечно, составляет незначительный процент²⁷. Еще несколькими мимолетными упоминаниями или же публикацией фотографий плит²⁸ исчерпывается литература вопроса.

На протяжении 1978—1979 гг. нами были обследованы сохранившиеся рельефные кресты Львова и Каменца-Подольского, общее количество которых достигает 104 (в том числе 8 плит). Были учтены только votивные кресты, т. е. за пределами данной работы остались резные и расписные армянские кресты во Львове другой семантики (например, кресты на каменной кропильнице собора, на скульптурном надгробии католика Степаноса V Салмастеци, на росписях XV в., на печатях, а также стилизованный крест на стене храма, изготовленный в 1927 г.). Для всех крестов была изготовлена фотодокументация.

Кресты, вырезанные на стенах

Львовский армянский кафедральный собор представляет собой сложное архитектурное сооружение, построенное в три очереди на протяжении XIV—начала XX вв. Древнейшая часть собора, в основу которой положен равносторонний крест, построена в середине XIV в. (в 1363 г. церковь была передана в распоряжение верующих). Купол и барабан древнейшей части опираются на четыре четырехугольные в плане колонны. Две восточные колонны (первая и вторая) связаны перемычками со стенами, разграничивающими центральную и боковые апсиды (на этих стенах также расположены кресты). Две западные колонны (пятая и шестая) названы так условно—с точки зрения истории здания это остатки западной стены древнейшей части церкви.

Все сохранившиеся кресты расположены в пределах древнейшей части собора. На внешней стене собора, на правом косяке южной двери, имеется два креста (№ 1—2). О том, что крестов снаружи в прошлом было гораздо больше, говорилось выше. Возможно, кресты сохранились еще на северной стене древнейшего собора, но она покрыта штукатуркой пристройки, возведенной в 70-х гг. XVII в.

²⁷ Критике концепций Т. Маньковского посвящена наша рецензия на книгу этого автора „Orient w polskiej kulturze artystycznej“ (Warszawa—Wrocław—Kraków, 1956), опубликованная в „Revue des études arméniennes“, N. S., t. 2, Paris, 1965, стр. 434—444.

²⁸ А. Howhanian, O restauracji naszej katedry, „Poślaniec św. Grzegorza“, Lwów, 1927, № 2—3, стр. 8; F. Macler, Rapport sur une mission scientifique en Galicie et en Bucovine (juillet-août 1925), „Revue des études arméniennes“, t. 7, Paris, 1927, fasc. 1, илл. 27; D. Kajetanowicz, указ. соч., стр. 8, 10; его же. La cathédrale arménienne de Lwów et son entourage. Guide, Lwów, 1931, стр. 13; В. Wojcik-Keupullian, Ormianie polscy, Lwów, 1933, стр. 16; ее же, Հայ առաքելական շրջանակների քույրանդակը, «Հնահայ», Փարիզ, 1932—1933, № 3—6, стр. 38; A. Brückner, Encyklopedia staropolska, t. 2, Warszawa, 1939, стб. 53. Фото крестов опубликованы также в упомянутых выше работах Ю. Пиотровского и Т. Маньковского.

94 креста обнаружены внутри (что это не окончательное количество, уже указывалось), они расположены исключительно на шести колоннах и на стенах, разграничивающих апсиды. Возможно, кресты высекались также на других участках стен, но они были уничтожены во время ремонтов, переделок и реставрации. На первой, северо-восточной колонне и прилегающем участке апсиды имеется 16 крестов; на второй, юго-восточной колонне и прилегающем к ней участке апсиды—20; на третьей, северной—17; на четвертой, южной—17; на пятой, северо-западной—17; на шестой, юго-западной колонне—7 крестов. Соответственно сделана нумерация крестов (по направлению сверху вниз и слева направо). Первая колонна—северная ее сторона № 3—5, западная сторона № 6—12, южная № 13—16. Западная сторона стены, разграничивающей центральную апсиду от северной, № 17—18; западная сторона стены, разграничивающей центральную апсиду от южной, № 19—22. Вторая колонна—северная сторона № 23—26, западная № 27—32, южная № 33—38. Третья колонна—северная сторона № 39—53, южная № 54—55. Четвертая колонна—северная сторона № 56, южная № 57—70, восточная № 71—72. Пятая колонна—северная сторона № 73—81, западная недоступна для осмотра, южная № 82—87, восточная № 88—89, она же частично недоступна для осмотра. Шестая колонна—северная сторона № 90—93, южная № 94—96, восточная недоступна для осмотра. Ориентировка не играла особой роли—кресты располагались на всех поверхностях, как северной и южной, так и восточной и западной. Основная масса крестов находится на уровне человеческого роста, отдельные на высоте 3—4 метров. Наиболее высоко расположены уже упоминавшиеся два латинских креста (№ 73, 91). Размеры крестов 15—40 см, изредка больше. Маленькие кресты (№ 46, 69, 80) встречаются исключительно в составе групп—невольно возникает мысль, что они должны были символизировать детей.

Кресты, за несколькими исключениями, вырезались на готовых поверхностях—на облицовочных тесаных камнях. При этом существовало только две возможности—врезное изображение (т. е. поверхность креста глубже поверхности камня) или же выпуклое изображение креста, изредка также орнамента, на заглубленном фоне, образующем своеобразный ореол вокруг рельефа (т. е. поверхность креста и орнамента на одном уровне с поверхностью облицовочного камня). Имеются редкие, но очень интересные исключения из этих двух типов. Два креста (№ 27, 28) сделаны выпуклыми, т. е. поверхность креста выше окружающего тесаного камня. Эти кресты были выполнены или при постройке храма (середина XIV в.) или же во время очередного ремонта, когда один камень был подменен другим, с уже высеченными на нем выпуклыми крестами.

Кресты вырезались в большинстве случаев небольшими комплексами, можно полагать—семейными. Общность крестов внутри комплекса подчеркивается стилистической идентичностью, т. е. признаками того, что они вышли из-под резца одного мастера. Определяется по

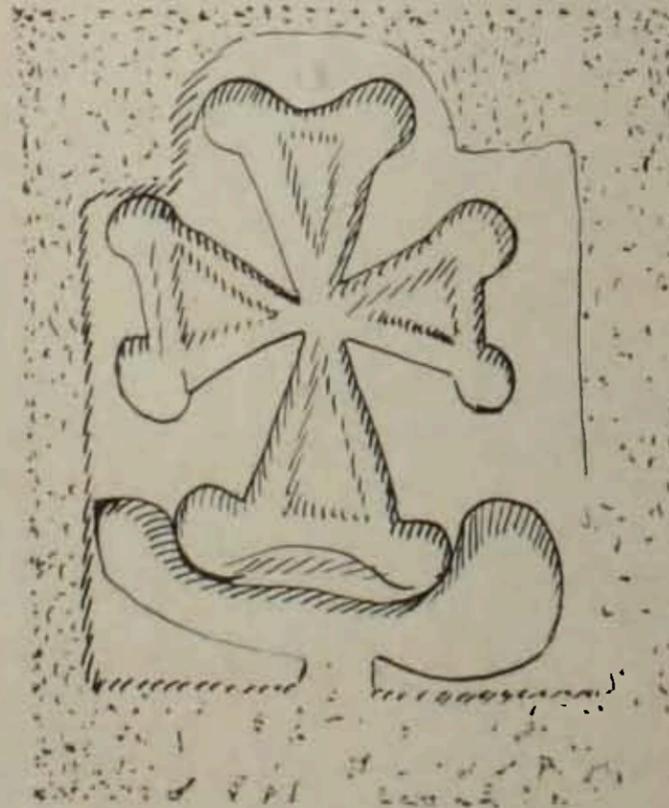
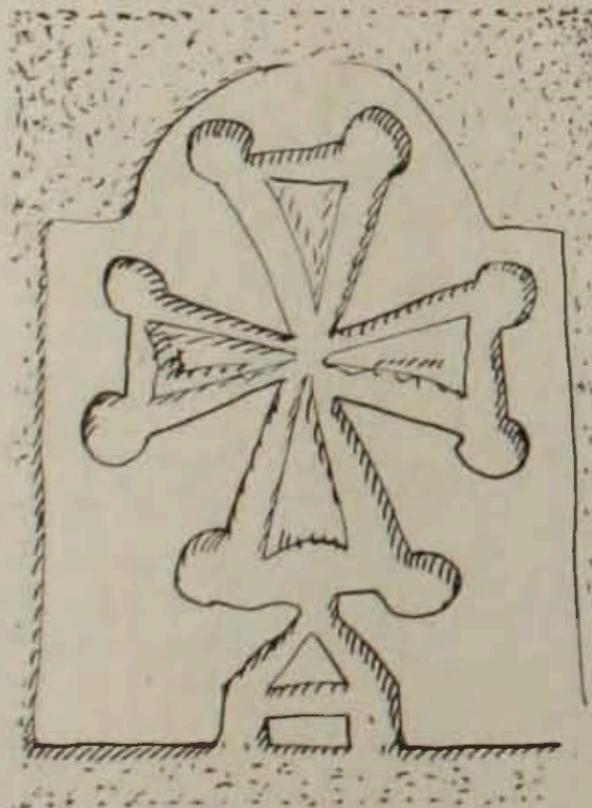
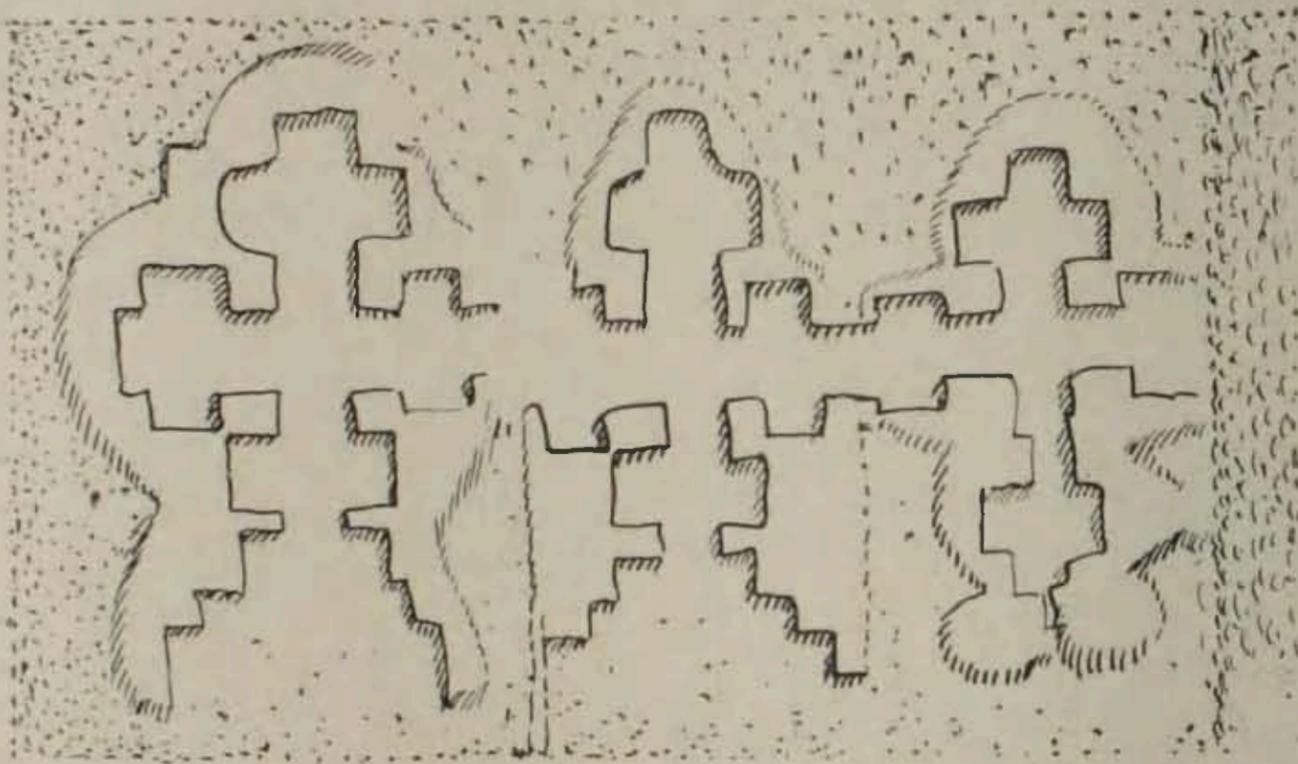
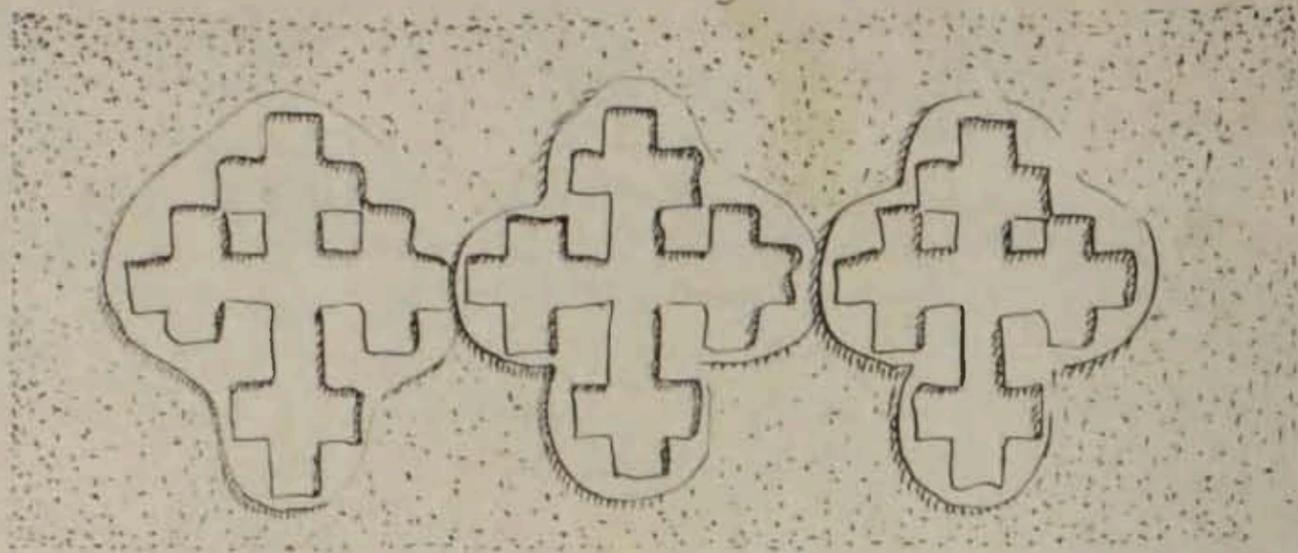

Таблица 1, илл. 1, 2, 3, 4

крайней мере 7 вертикальных (№ 1—2, 6—7, 8—9, 11—12, 27—28, 33—34, 37—38) и 7 горизонтальных (№ 19—20, 43—44, по-видимому 54, 55, а также 74—75, 82—83, 84—85, 86—87, 94—95) пар крестов. 4 комплекса составлены из трех горизонтальных крестов (№ 3—5, 14—16, 24—26, 61—63—см. табл. 1, илл. 1, 2), один из трех вертикальных (№ 30—32). В трех случаях комплекс из трех крестов составлен таким образом, что между двумя крестами побольше вкомпонован третий маленький (№ 45—47, 68—70, 79—81); в одном случае композиция пирамидальна—верх пирамиды состоит из маленького креста (№ 45—47). В одном случае комплекс состоит из шести крестов, расположенных горизонтально (№ 48—53)—первый слева самый большой, следующие три средние, два конечных справа поменьше и локализованы несколько ниже. Все эти шесть крестов аналогичны по рисунку. Вполне вероятно, что комплексы насчитывали больше единиц—т. е., например, на одной стороне колонны группировалось до десяти и больше крестов, в память нескольких поколений одной семьи. Говорить об этом с уверенностью вряд ли возможно.

Резные кресты довольно разнообразны. Основная масса—кресты нескольких типов, часто водруженные на пьедесталы, символизирующие Голгофу (32 креста), реже—с сопутствующим орнаментом (6 крестов) или же высеченные на фоне четко ограниченного щита (12 крестов). Голгофа изображена различными средствами—как ступенчатое возвышение (16 крестов; № 1, 2, 13, 19, 20, 22, 24, 25, 57, 59, 64, 67, 71, 79, 81, 90), удаленный одноступенчатый пьедестал (7 крестов; № 27, 28, 56, 74, 83, 92, 93), иногда дугообразный, с концами, повернутыми вверх (2 креста; № 21, 58—см. табл. 1, илл. 4). (Не исключена, однако, возможность, что дугообразный пьедестал под крестами № 21, 58 это в действительности схематическое изображение чаши, имеющееся также на включенных в стены крестных камнях № IV, V. На них подобная дугообразная чаша соединена стилизованными побегами с подножием креста—см. табл. 1, илл. 4). В других случаях это стилизованный остроконечный холм (5 крестов; № 23, 61, 63, 66, 72—см. табл. 1, илл. 3) или, как будто, верхняя оконечность древка (2 креста; № 81, 82). Щиты—или прямоугольные, удлиненные в вертикальном направлении (2 креста; № 11, 12), или такие же, но округленные сверху—вроде перевернутого нижней стороной вверх геральдического испанского щита (3 креста; № 54, 67, 91), с тройным округлением сверху (4 креста; № 55, 68, 70, 71) или же с одним куполообразным завершением наверху—вроде перевернутого французского щита (1 крест; № 62).

Скупой орнамент на поле около креста отмечается только в шести случаях. Он не получил распространения, так как, по-видимому, многовековая традиция требовала, чтоб вотивный крест был довольно простым, строгим, лишенным украшений. (Противоположную тенденцию обнаруживают кресты на алебастровых или мраморных плитах; эти включенные в стены крестные камни оказались более тесно зависящими от богато орнаментированных хачкаров закавказской метрополии.) Под тремя крестами обнаруживается скупой растительный орнамент, напо-

минающий полупальметки (№ 10, 54, 55). В трех других случаях это «узел мудрости», образованный из побегов, прорастающих из нижнего конца креста (№ 68—70). Около крестов встречаются две розетки из восьми лепестков (№ 71), четыре треугольника, имитирующих лучи, исходящие от креста (№ 54—59).

Резные кресты можно свести к основным четырем типам. Это греческие (15), греческие с перекрещенными концами (59), курсунские (20) и латинские (2) кресты.

Греческие кресты (четырёхконечные, равносторонние или с незначительно удлиненной нижней стороной), как правило, врезные с узкими сторонами, иногда незначительно расширенные в конце, но не столь утолщенные, как курсунские. Все греческие кресты лишены орнамента и пьедестала, только в одном случае маленький («детский», № 69) крест расположен на «узле мудрости».

Как кажется, иконографическое развитие греческого креста пошло в двух направлениях. Крест был осложнен перекрещиваниями концов; этот тип оказался наиболее распространенным. Другая тенденция привела к заметному утолщению сторон креста на концах, т. е. к преобразованию в крест (по общепринятому на Украине названию) курсунского типа. Кресты обоих типов выполнены техникой барельефа.

Греческий крест с перекрещенными концами (обычно угловатыми, изредка округленными) довольно часто помещался на пьедесталах различного вида. Иногда слегка удлинялась нижняя сторона. Крест не орнаментировался, только в двух случаях отмечается двойная перемычка типа андреевского креста на перекрещенных концах (№ 79, 93).

Курсунский крест с рельефными контурами своими неканоническими формами больше других типов вызывал творческую фантазию каменщиков и чаще становился объектом орнаментирования (как сам крест, так и поле вокруг него). Возникает несколько вариантов пьедестала, около креста высекают розетки (№ 71), треугольники (№ 54, 59). Окончания крестов (перпендикулярные к сторонам) прямые или же, в одном случае, типа «ослиной спины» (№ 71). Эти окончания часто обрастают двумя узлами на углах концов креста (№ 21, 54, 55, 62, 67, 84, 85, 90), на одном кресте этих узлов даже по три (№ 57); на углах концов креста иногда располагаются трилистники (№ 64, 66, 71), в одном случае комбинированные с узлом (№ 64).

Латинские кресты, строгие по своей канонической форме, помещались на обрамленном поле-щите²⁹.

Заканчивая описание крестов, вырезанных в стенах архаикафедрального собора, стоит посвятить несколько слов крестным камням, находившимся в армянской церкви св. Анны во Львове. По уникальной фотографии 1920 г. (упомянутой выше) известно, что на колоннах этой цер-

²⁹ Т. Маньковский (Sztuka, стр. 58) отмечает наличие патриарших крестов, «дважды перечеркнутых снизу». Это ошибка—во всяком случае, в настоящее время в соборе подобных крестов нет.

кви вырезались также кресты больших размеров. Таковы два изображения корсунских крестов. Из нижнего конца одного из них прорастают полупальметки, а сам крест помещен на большом щите, остроконечном сверху. Из нижнего конца другого корсунского креста также прорастают полупальметки, а сам щит прямоугольный, удлиннен в вертикальном направлении. В архикафедральном соборе нет аналогичных изображений ни по величине, ни по рисунку. На фото различаются также четыре креста с перекрещенными концами—два из них образуют пару. Один крест (вне этой пары) посажен на остроконечный треугольник, символизирующий Голгофу. Кроме того, имеется одно резное изображение греческого креста.

Резные кресты преимущественно (кроме части корсунских) просты по декоративному решению. Они не достигли того уровня стилизации, который характерен для крестов на плитах, встроенных в стены собора.

Если исходить из того принципа, что эволюция крестов на стенах львовского собора развивалась от более простых форм к осложненным, то придется признать, что самыми ранними являются неосложненные греческие кресты, вырезавшиеся, возможно, в конце XIV—начале XV вв. Латинские кресты датируются серединой XVII в. На протяжении XV—начала XVII вв., нужно думать, сосуществовали греческий крест с перекрещенными концами и корсунский крест. Это мнение подкрепляется двумя обстоятельствами. Встроенный в стену камень с датой 1427 г. (более подробно рассматриваемый ниже) имеет стилизованное изображение корсунского креста, что позволяет датировать другие кресты этого типа XV веком и позже. С другой стороны, один из комплексов, состоящий из трех крестов, включает два греческих креста с перекрещенными концами по сторонам (№ 61, 63) и корсунский крест посередине (№ 62); не подлежит сомнению, что весь этот комплекс был выполнен одновременно одним мастером.

Вырезанные на стенах кресты до сих пор отдельно не репродуцировались. Изображения некоторых из них различаются на обзорных снимках стен и колонн собора³⁰.

Кресты, включенные в стены

В львовском архикафедральном соборе сохранилось семь крестов на плитах из мрамора и алебаstra. Одна плита (№ I) встроена в наружную южную стену, слева от двери; очень сомнительно, что это первоначальная локализация мраморной плиты. Второй крест (№ II), на алебастровой плите, помещен высоко на южной стене перемычки между первой (северо-восточной) колонной и стеной, отграничивающей центральную апсиду от северной. Первоначальное местонахождение этой плиты неизвестно. Она была вынута из стены и в 1925 г. храни-

³⁰ Кресты № 1, 2 см. J. Piotrowski, указ. соч., иллюстративное приложение, снимок «Готический портал»; № 54, 55—там же, снимок «Алебастровые кресты»; № 82—89 и восемь нумерованных см. T. Majkowski, *Sztuka*, стр. 43, илл. 34.

лась в здании архиепископского правления³¹. На третьей (северной) колонне, на ее южной стороне, находятся две алебастровые плиты с крестами (№ III, IV). Они не были сдвинуты с первоначального места, о чем свидетельствуют фотографии, сделанные в 20-х гг. во время реставрации³². На северной стороне четвертой (южной) колонны имеется три алебастровых крестных камня (№ V—VII), расположенных в двух рядах. О камне № VI точно известно, что он был вынут из стены, а в 1925 г. хранился в здании архиепископского правления³³. До того как он был снова встроен в стену (неизвестно, на первоначальном или на новом месте), он раскололся на три части³⁴. Камень № VII расколот на две части, однако неизвестно, вынимался ли он из стены во время реставрации.

Размеры плит сравнительно небольшие: № I—78×48,5 см; № II—32×45 см; № III—25,5×22,5 см; № IV—12,5×22,5 см; № V—13×23 см; № VI—23×23 см; № VII—13×21 см.

Все кресты выполнены техникой барельефа, на двух уровнях. Исключение составляет плита № VII, где определяется три уровня (самый глубокий—лигатуры и геральдический знак, средний—поле, высокий—крест и орнамент).

Типологически все кресты на плитах близки—все они относятся к категории корсунских, более или менее осложненных дополнительным орнаментированием самих крестов, поля вокруг них, рамок, наличием стилизованных надписей. На одной плите изображен один (№ I, IV, V, VII), два (№ III) три (№ VI) или четыре (№ II) креста. Интерпретация плиты, на которой имеется три креста, как изображения трех крестов на Голгофе, кажется чересчур прямолинейной³⁵; более правдоподобно, что, по аналогии с крестами, высеченными прямо на стенах, каждый крест соответствует одному лицу. Размещение трех или четырех крестов на одной плите заслуживает внимания с точки зрения композиции, так как трудно подыскать сходные случаи. Три креста (плита № VI) размещены в виде пирамиды, верхний центральный крест несколько больше двух нижних боковых крестов, в остальном различий между крестами нет. Четыре креста (плита № II) размещены так: в центре один большой крест, под его правой и левой сторонами—два небольших, четвертый крест, еще меньше, чем боковые, ниже центрального креста и одновременно в центре двустрочной надписи. Различия в размерах крестов отразились также в нагрузке орнаментом, который концентрируется на центральном кресте.

³¹ J. Piotrowski, указ. соч., стр. 25.

³² Фото в Государственном музее украинского искусства во Львове, коллекция негативов, и в работе Ю. Пиотровского.

³³ J. Piotrowski, указ. соч., стр. 25.

³⁴ Время повреждения ясно из сравнения фотографий, опубликованных в работах Ю. Пиотровского и Д. Кастановича (камень цел), с фотографией в работе Т. Маньковского (камень разбит), а также с современным состоянием плиты.

³⁵ J. Piotrowski, указ. соч., стр. 25. К таким плитам этот автор причислил также № II, не заметив, что здесь изображены четыре креста.

С точки зрения манеры изготовления плиты можно разделить на четыре группы, возможно, соответствующие четырем мастерам-камнерезам. Дифференцирующим признаком служат особенности декора как самого креста, так и поля вокруг него.

Для камня № II характерен плетенчатый крест, наличие двустороннего орнаментированного обрамления и отсутствие орнамента на поле. Для камня № I — незначительное место (23×37 см), которое крест занимает на пустой (если не считать надписи, состоящей из лигатур) поверхности. Плита № VII с полупальметками, расположенными ниже уровня креста, и розетками на поле также не имеет аналогий. С другой стороны, камни № III—VI как будто вышли из-под одного резца — в них совпадают или почти совпадают декоративные решения: аналогичны орнаментация креста, полупальметки, прорастающие сначала тонкими побегами из нижнего конца креста и чашеобразно охватывающие нижнюю его сторону, розетки и медальоны с символами и криптограммами в верхней части поля, треугольники в верхних углах плиты. Близость камней № III и VI очень заметна также эпиграфически.

Попытка рассмотреть отдельные элементы плит с крестами с точки зрения как их общностей, так и различий приводит к следующим результатам.

Хотя все изображения крестов относятся к корсунскому типу, тем не менее кресты плиты № II резко отличаются от остальных, представляя собой причудливую ажурную плетенку, которой выполнены не только контуры крестов, но и их декор. На концах центрального креста восемь трилистников, вокруг центра четырехугольный ореол, причем каждый угол ореола также завершен трилистником. На каждой стороне креста плетенка образует еще один символ — изображение сердца.

На всех остальных плитах кресты выполнены в совершенно другой манере — четко эскизные (одной, двумя или даже тремя линиями), более или менее богато декорированные на контурах или за их пределами. Можно отметить на концах крестов два (№ VII) или три (№ I) узла, два листика (№ VI) или же два узла, два трилистника и цветок в профиль (№ III—V).

Во всех случаях крест декорирован стилизованной растительностью³⁶. На камне № II она не связана с крестом — растение образует двустороннее обрамление, для которого использованы волнообразные побеги с акантоподобными листьями. Во всех других случаях побег прорастает из подножья креста. Самое простое решение на плите № I, где две полупальметки (побег которых соединяет крест с прямоугольником, символизирующим Голгофу) образуют небольшую чашу, охватывающую подножье креста. На других камнях побег становится очень длинным,

³⁶ О взаимосвязи креста и растительности см. J. Fleming, *Kreuz und Pflanzenornament*, „Byzantinoslavica“, vol. 30, Prague, 1969, № 1, стр. 88—115, V—XIX. Ср. также С. Nicolescu, *Symboles orientaux sur les pierres funéraires de Roumanie. L'arbre*, „Revue roumaine d'histoire de l'art“, serie beaux-arts, t. 13, Bucarest, 1976, стр. 113—124.

образуя сложный «узел мудрости», расположенный под крестом (№ III—VII) и заканчивающийся полупальметками. Полупальметки—иногда разветвляющиеся вверх и вниз (№ III—V, VII)—чашеобразно охватывают нижнюю сторону креста (№ III—VI—в последнем случае только центральный крест) или же ниспадают у подножья креста (№ VI—боковые кресты, VII). Эту чашеобразность подчеркивает дугообразное изображение Голгофы (если его идентифицировать с Голгофой), расположенное ниже побегов (№ IV, V).

Верхние углы камней часто декорируются треугольником с прорастающим листиком (№ III—VI); иногда этот треугольник осложнен шестилистной розеткой, расположенной в пределах поля треугольника (№ VI). Розетки размещаются и на поле около креста—две восьмилистные выше боковых сторон креста и две такие же, но в медальонах, ниже боковых сторон (№ VII). Между двумя крестами расположен медальон с агнцем Божиим, древним символом армяно-григорианской церкви (№ III). Четыре медальона с криптограммами имени Иисуса Христа изображены на поле выше крестов плиты № V.

Пять плит из семи имеют надписи (см. табл. 2). На камне № I это четыре строки лигатур, расположенных по обе стороны щита с крестом; нижняя строка слева сбита и сейчас не читается. На № VII лигатуры расположены в четырех местах—под двумя боковыми сторонами креста и в нижних углах пластины. Надписи на № II и VI двустрочные с относительно немногочисленными лигатурами, причем плита № II датирована. На камне № III надпись однострочная, выше этой строки находилось (в начале и в конце строки) обозначение года. К сожалению, правая часть надписи испорчена (сбита) при небрежной расчистке и, включая обозначение года, сейчас не читается. В эпиграфическом отношении надписи на камнях № III и VI как будто сделаны одной рукой, обе они были датированы (но дата сохранилась только на № VI).

Надписи, а особенно лигатуры, плит с крестами № I и VII представляют определенные трудности для расшифровки. Даже Фредерик Маклер (1869—1938), опубликовавший фото камня № I³⁷ (и, кстати, тексты ряда надгробных надписей из Львова в оригинале и с переводом), не в состоянии был расшифровать надпись на нем. За перевод надписей принимались львовские арменоведы, местные армяне Леон Исакович (1897—1944) и Богдан Давидович (1858—1933), а также Дионисий Каетанович (1878—1946), однако без особых успехов³⁸. На мнении Л. Исаковича основывался Ю. Пиотровский, сетовавший на невозможность расшифровать надписи³⁹. По-видимому, одному из упомянутых исследователей принадлежит перевод надписи на плите № II, опубликованный Т. Маньковским.

³⁷ F. Macleer, указ. соч., илл. 27.

³⁸ Составленный Л. Исаковичем корпус львовских армянских надписей не был опубликован; судьба рукописи неизвестна.

³⁹ J. Piotrowski, указ. соч., стр. 25.

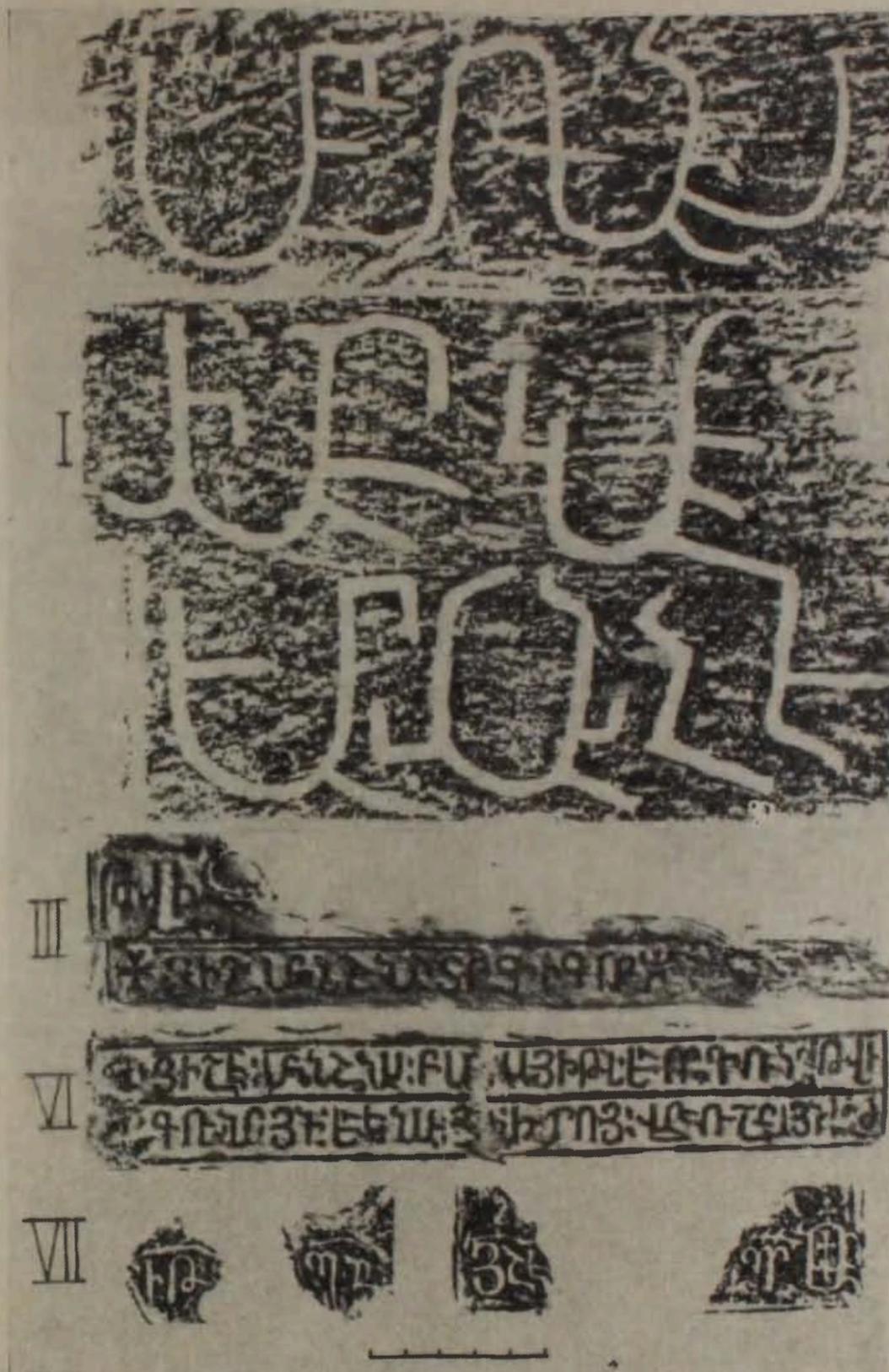

Таблица 2

В настоящее время можно предложить следующее чтение надписей⁴⁰.

№ I. Надпись исключительно из лигатур в четыре строки. Высота букв 65 мм; длина строк: первой (слева от креста) 210 мм, второй

⁴⁰ За помощь в расшифровке и переводе надписей автор выражает благодарность А. Матевосяну и В. Григоряну (Матенадаран, Ереван).

(слева)—не определяется (текст уничтожен), третьей (справа) 170 мм, четвертой (справа) 220 мм. См. табл. 2, № I.

U[ПТ]РР ЫКЗУ
[...]
ЗРЦУСУЧ Ѓ
УКТР УУКЗК[ЦТ?]

«Святой крест (...) в память матери Манчела (?)».

Опубл. фото: F. Masler, указ. соч., илл. 27.

№ II. Надпись частично из лигатур в две строки. В центре строк расположен крест. Высота букв 36 мм; длина строк (вместе с крестом) 300 мм.

U[ПТР]Р ЫЦ[УВ] РУР[СЫУТ] ЗНЧУ+ЫБУТ УУРТУУ ||
Ѓ УРРУУУУУ 2Р+УРБЧ УЗУ

«Святой знак—заступник за Иованеса, Мариану, Сирахте 21 арега 876 (=24 июля 1427 г.)»

Опубл. фото: J. Piotrowski, указ. соч., илл. „Алебастровая таблица“; T. Mańkowski, Sztuka, стр. 44, илл. 35; его же, Dawny Lwow, стр. 51, илл. 27; A. Bruckner, указ. соч., т. 2, стб. 53.

Опубл. транслитерация и перевод: T. Mańkowski, Sztuka, стр. 59 (предложено чтение: „Supr nszans barechos e Howannesi Mariancsi chadun Elisabeth 876“)

№ III. Надпись частично из лигатур в две строки. Первая строка состоит из двух частей, расположенных в нижних углах, выше второй строки. Высота букв 19 мм; длина левой части 26 мм, длина правой части не определяется (текст уничтожен). Вторая строка: высота букв 12 мм, длина строки 230 мм, из них на 80 мм текст уничтожен. См. табл. 2, № III.

РЧ[УУУУ]Т[У]
[...]
+ ЗРЦУСУЧ[УЧ] Ѓ ЫЦУУУ С[У]Р РРРРРР[ТУ...]

«Года (...) знак в память Тер Григора (...)»

Фото не публиковалось⁴¹.

№ VI. Надпись частично из лигатур в две строки. Высота букв 12 мм, длина строк 220 мм. См. табл. 2, № VI.

+ ЗРЦ[УСУЧ] Ѓ, U[ПТР]РР. ЫЦУУУ, РУ[Ц]УУ Ы[У]Р[ПТ]У[ТУ].
БТ РРРРР | РЧ[УУУУ]Т[У] ||
[...] РРРРРР, БТ ЧУУУУ[ТУ] ТРРРР, ЧУРРРРЧУУУ[У]
2Ф

⁴¹ Плита № IV без надписи, фото не публиковалось; № V без надписи, фото опубликовано: T. Mańkowski, Sztuka, стр. 45, илл. 36.

камня осложняется тем, что он очень плохо расчищен⁴³ во время ремонта церкви и до сих пор покрыт многочисленными остатками бетона.

Крест курсунского типа, четко оконтурен, на восьми углах оконечностей креста восемь трилистников. Из центра креста прорастают четыре листика. Между сторонами креста расположены четыре шестилистные розетки. Крест вместе с декором расположен на щите с куполообразным завершением сверху. Под ним расположена однострочная надпись, выполненная (по сравнению с львовскими) очень неуклюже.

№ VIII. Надпись частично из лигатур в трех местах плиты. Высота букв 15—22 мм, длина строк 35, 20, 150 мм.

Под левой стороной креста: *ԹՎ[ԱԿԱԿ]*

Под правой стороной креста: *ԹԳ*

Под крестом у нижнего края плиты:

Ս[ՈՒՐ]Բ Կ[ԱԶ]Ս ԲԱՐ[ԵԿԱԿՍ ?...]

«Года 1003 (=1553/4) святой крест заступник (...)»

Фото не публиковалось.

Другую расшифровку даты (1544 г.) дают А. Тюпин и Г. Хотюн, указ. соч., стр. 8.

Сравнение мемориальных памятников армян Западной Украины с хачкарами собственно Армении говорит о большем типологическом разнообразии крестов во Львове и Каменце, вызванном контактами с окружающей украинской средой и с западным миром. Необходимо отметить важное различие в иконографии крестов львовского собора и крестов закавказской метрополии. Для Армении синхронного периода характерно решительное преобладание крестов с удлиненными верхней и особенно нижней сторонами⁴⁴. Подобных изображений во Львове нет. Причину этого, как кажется, нужно искать не в незнании на Украине иконографии крестов Армении (культурные связи армян Украины и Закавказья вплоть до середины XVII в. были довольно оживленными), а в желании отмежевать кресты армянских церквей на Украине от латинского креста (с заметно удлиненной нижней стороной). Изображение равностороннего греческого креста, хорошо известного хотя бы по украинскому искусству и украинской религиозной практике того времени, оказалось для армян Украины более приемлемым, а в художественном отношении—более плодотворным. (Тогда как в метрополии греческий крест, даже в модифицированном виде, не мог пользоваться широкой популярностью в связи с известным армяно-греческим религиоз-

⁴³ Эта расчистка плиты иногда выдается за «новое открытие». Не подлежит, однако, сомнению ее идентичность камню, давно упомянутому А. Прусевичем (см. выше).

⁴⁴ Ср. иллюстративный материал в работах: L. Azarian, A. Manoukian, Khatchkar (croci di pietra), Milano, 1969 (= Documenti di architettura armena, 2); S. Der Nersessian, L'art arménien, Paris, 1977; Н. Степанян, А. Чакмакчян, Декоративное искусство средневековой Армении, Л., 1971; Армянские хачкары, Эчмиадзин, 1973, и др.

ным антагонизмом). Особого распространения достиг крест с перекрещенными концами; можно даже считать ту притягательную силу, которую имел этот тип, проявлением какой-то местной армянской иконографической традиции. (Известно, что крест с перекрещенными концами очень редко встречается на территории собственно Армении, несколько чаще—на территории Киликии. Да и то все такие кресты не равносторонние, а с удлиненной верхней и нижней или же только нижней стороной).

Этот вопрос, конечно, заслуживает дальнейшего изучения с точки зрения поисков аналогий. В первую очередь, по-видимому, необходимо более детальное сравнение с армянскими крестами Крыма⁴⁵, местности, откуда армяне переселялись на Украину. С другой стороны, привлекают внимание армянские кресты Трансильвании—страны, в пределы которой эмигрировали западноукраинские армяне в период усиления религиозного гнета в 60—70-х гг. XVII в.

Несмотря на то, что крестные камни Украины не достигли тех высот монументальности и художественного развития, которые столь характерны для хачкаров Армении, рельефные кресты Львова и Камешца-Подольского могут считаться свидетельством значительного уровня развития армянского камнерезного искусства, достигнутого в колониях на Украине в XIV—начале XVII вв. Возникает необходимость углубить и расширить понятие прикладного искусства армян Украины, где жили и творили не только ювелиры, ткачи, вышивальщики, оружейники, но и не менее искусные художники-камнерезы.

Львовская настенная «коллекция» резных крестов—этот выдвинутый далеко на Запад уникальный комплекс армянского декоративного рельефа—заслуживает не только тщательной охраны, но и дальнейшего научного изучения.

ԼՎՈՎԻ ԵՎ ԿԱՄԵՆԵՑ-ՊՈԴՈԼՍԿԻ XIV—XVII ԴԱՐԵՐԻ
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՌԵԼԻԵՖ ԽԱՉԵՐԸ

Պատմ. գիտ. ընկերւմու Յա. Բ. ԳԱՇԿԵՎԻՉ (ԼՎՈՎ)

(Ա մ ֆ ո թ ո ս մ)

Ուկրաինայի մի շարք հայկական պաշտամունքային կառույցների պատերի վրա (Լվովի կաթողիկե և Կամենեց-Պոդոլսկի Ավետման եկեղեցի) քանդակված են ավելի քան 120 խաչեր, որոնցից հետազոտված են 96-ը և մոտ 20-ը անմատչելի են ուսումնասիրության համար: Խաչեր են քանդակվել նաև մարմարե և ավաքստրե սալերի վրա, որոնք նույնպես աղուցված են պա-

45 Ср. А. Гаврилова, указ. соч. В. А. Сидоренко в докладе «Археологическое исследование памятника армянской архитектуры Крыма—монастыря Сурб-Хач», прочитанном 21 сентября 1979 г. на IV Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении, указал, что на стенах монастыря имеется более 160 изображений креста.

տերի մեջ (7-ը Լվովում, մեկը Կամեննցում): Խաչերն ունեն նվիրատվական և կտիտորական բնույթ: Դրանց փորագրումը դադարել է XVII դարի կեսերին: Խաչերից շորսը թվագրված են (1427, 1448/9, 1460/1, 1553/4 թթ.), վեցը ունեն մակագրություններ, որոնք հրատարակվում են հողվածում: Պատերի վրա փորագրված խաչերում գերակշռում են հունական հավասարաթև (15), հունական խաչաձևված ծայրերով (59) և կորսունյան տիպերը (20): Նման տիպերի խաչերի տարածումը, որ գրեթե զուգահեռներ շունի բուն Հայաստանում և Կիլիկիայում, արդյունք է տեղական ուկրաինական պատկերազրական ավանդույթների հետ ունեցած առնչությունների: Մյուս կողմից, զարդաձևերի հարստությունը (հյուսածո մոտիվներ, կիսապալմենտներ, վարդյակներ, մեղալիոններ) և սալերի վրա փորագրված խաչերին բնորոշ սիմվոլիկան ինքնին արդեն բնորոշ են նույն ժամանակների հայկական արվեստին: Լվովի հուշարձանների պատերի վրա բանդակված այս «հավաքածուն» արևմուտք ներթափանցած հայկական զարդարվեստի ուղադրված համալիրներից է և հենց այդ տեսակետից էլ մեծ հետաքրքրություն է ներկայացնում:

•